

33.
14

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
БЭЙ-ШАНЯ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЮ
СРЕДНЕЙ АЗИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума. Дворцовая площадь, д. М-ра Фининсова.
1898.

С $\frac{33}{14}$

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
БЭЙ-ШАНЯ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЮ
СРЕДНЕЙ АЗІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворцовая площадь, д. М-ва Финансовъ.
1898.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историческая географія Средней Азіи, не смотря на весьма цѣнные труды Дегины, Клапрота, Ремюза, Вивіенъ де С. Мартена, Риттера, Іакинфа, Ст. Жюльена, Юля, Потье и многихъ другихъ остается еще весьма мало изученной. Послѣднія изслѣдованія внутреннихъ областей стараго континента, давшія столь много для познанія его природы и топографіи, обошли почти полнымъ молчаніемъ прошлую жизнь его обитателей. Среди путешественниковъ, столь славно и много потрудившихся на поприщѣ изслѣдованій Средней Азіи, было мало лицъ, интересовавшихся ея исторіей и археологіей. Вотъ почему всѣ послѣднія завоеванія въ области современной географіи этой части Азіи мало просвѣтляли тотъ туманъ, въ которомъ ходили и продолжаютъ ходить кабинетные ученые, посвятившіе свои труды изученію исторіи народовъ, въ ней обитающихъ и обитавшихъ. Труды по географіи Азіи общаго характера и даже детальныя маршрутныя описанія путешественниковъ оказывались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ пригодными для пользованія историковъ, потому что обыкновенно въ нихъ отсутствовали тѣ детали, одна только комбинація коихъ и могла бы дать увѣренность въ правильности отождествленія историческихъ мѣстностей съ современными.

Пользуясь своимъ знакомствомъ съ нѣкоторыми частями Средней Азіи, вынесеннымъ изъ путешествій, совершавшихся, впрочемъ, съ иными цѣлями, я взялъ на себя трудъ помочь историкамъ разобратся въ нѣкоторыхъ наиболѣе запутанныхъ вопросахъ, которые ставитъ намъ историческая географія Средней Азіи. Но кропотливый и мало благодарный трудъ этотъ еще не законченъ. Тѣмъ

временемъ рѣшаюсь напечатать настоящую работу, которая явилась плодомъ изученія исторической литературы Азіи и должна будетъ составить первыя три главы приготовляемаго мною къ печати второго тома «Описанія путешествія въ Западный Китай» *).

При этомъ пользуюсь случаемъ выразить свою глубочайшую признательность Н. А. Аристову, который любезно дѣлился со мною своими обширными свѣдѣніями по исторіи Средней Азіи.

ГЛАВА I.

Пустыня, лежащая между Тянь-шанемъ и горами системы Куэнь-луня, рисовалась въ нашемъ воображеніи частью каменистой, частью лёсово-солончаковой равниной, мѣстами слегка приподнятой и въ центральной своей части всхолмленной относительно невысокими грядами, сложенными, главнымъ образомъ, изъ наносовъ гальки и глины. Но не такой она оказалась въ дѣйствительности. Уже къ сѣверу отъ станціи Куфи, намъ стали попадаться выходы кварцеваго песчаника, дальше же передъ нами развернулся вполне горный ландшафтъ, гдѣ древніе метаморфическіе сланцы (глинистый, слюдяной, тальковый и кремнистый), мраморы, кварциты, филлиты, разнообразныя граниты, гранититы, порфириты, діабазы, рѣже діориты и сіениты, въ особенности же гнейсы, то слагались въ относительно довольно высокія гряды горъ, то распадались въ мелкопочиникъ, въ хаотическомъ безпорядкѣ уходившій въ обѣ стороны отъ дороги. Однимъ словомъ, мѣстность пріобрѣла здѣсь тотъ же характеръ, что и къ западу отсюда, въ горахъ Чоль-тага ¹⁾; а такъ какъ такія же горы, какъ насъ увѣряли и какъ мы въ этомъ убѣдились сами впоследствии, тянулись и далеко на востокъ, до меридіанальной долины р. Эцзинъ-гола и даже до Ала-шаня, то явилась необходимость приискать какое-либо общее названіе для всей этой обширной горной страны, давно уже переживающей періодъ полнаго разрушенія. Мы остановились на китайскомъ наименованіи этихъ горъ—Бэй-шань, что значитъ—«Сѣверныя горы», такъ какъ онѣ, дѣйствительно, лежатъ къ сѣверу отъ большой дороги въ западныя владѣнія

* Вѣ этихъ видахъ эта книга печатается всего лишь въ ста экземплярахъ.

¹⁾ См. Гружъ-Грожимайло «Описаніе путешествія въ Западный Китай», т. I, стр. 381—417.

Китая¹⁾. Такимъ образомъ, съ мѣстнымъ китайскимъ названіемъ мы поступили точно также, какъ прежніе географы поступили съ мѣстными же китайскими названіями Нань-шань, Тянь-шань и Куэнь-лунь, распространивъ ихъ съ одного кряжа горъ на цѣлую систему послѣднихъ.

Въ настоящее время Бэй-шань—пустыня, прокармливающая на своихъ западныхъ и восточныхъ окраинахъ рѣдкое тюркское и монгольское население. Нѣкогда же горная страна эта кипѣла жизнью, обеспечивая существованіе народовъ и царствъ. Въ ея долинахъ разыгрывались событія крупнаго значенія, и не разъ ея скалистые горы были безмолвными свидѣтельницами битвъ, исходъ коихъ приводилъ въ движеніе народныя массы на всемъ безграничномъ пространствѣ Внутренней Азіи.

Исторія Бэй-шаня есть въ то же время и исторія различныхъ тангутскихъ, тюркскихъ и монгольскихъ ордъ, которыя то достигали здѣсь наивысшаго могущества, то снова обращались въ ничто... Я не имѣю въ виду углубляться въ эту исторію, но думаю, что связанный пересказъ ея главнѣйшихъ моментовъ здѣсь будетъ лишнимъ.

Но предварительно еще одно замѣчаніе.

Я уже употребилъ для Бэй-шаня, въ качествѣ его характеристики, наименованіе пустыни. Таковой онъ и является въ дѣйствительности, да таковой, безъ сомнѣнія, онъ былъ и въ то время, когда его населяли юэджи, хунны и другіе кочевые народы. Въ этихъ словахъ нѣтъ никакого внутренняго противорѣчія. Если присмотрѣться къ современной картѣ распространенія кочевыхъ племенъ, то легко убѣдиться въ томъ, что въ область ихъ перекочевовъ всегда входятъ какъ мѣстности съ обильнымъ орошеніемъ, хорошей, преимущественно степной, растительностью, такъ и районы болѣе пустынные, куда они удаляются на зиму, и гдѣ ихъ скотъ находить, хотя и скудный, но зато вполне обеспеченный отъ снѣжныхъ заносовъ кормъ. И чѣмъ идеальнѣе сочетаніе такихъ удобій: тучныхъ пажитей для лѣтнихъ и мѣстностей, хотя и съ рѣдкой травянистой растительностью, но зато въ большей или меньшей степени обеспеченныхъ отъ глубокихъ снѣговъ—для зимовій, тѣмъ цѣннѣе является оно для кочевыхъ. Вотъ почему Бэй-шань игралъ у нихъ видную роль до тѣхъ только поръ, пока въ ихъ власти находились и сѣверныя подгорья Нань-шаня; когда же

¹⁾ Въ древности горы эти были извѣстны у китайцевъ подъ именемъ Хэ-ли-шань.

здѣсь ослѣли китайцы, когда вдоль южныхъ предѣловъ Бэй-шаня протянулась стѣна, остановившая ихъ перекочевки на югъ, чѣмъ и была, по выраженію китайской лѣтописи, «отсѣчена правая рука у кочевыхъ», то послѣдніе должны были отхлынуть на сѣверъ и навсегда покинуть пустынный Бэй-шань.

Съ незапамятныхъ временъ тангуты или, какъ ихъ называютъ китайцы—западные цяны населяли бассейнъ Эцзинь-гола, т. е. центральный Нань-шань и восточную половину Бэй-шаня. Преданіе гласитъ, что еще въ XXIII вѣкѣ до Р. Хр. мифическій китайскій государь Яо, потѣснивъ ихъ отсюда на западъ, нѣкоторую ихъ часть поселилъ въ мѣстности Сань-вэй, которую, справедливо, нѣтъ ли, но приурочиваютъ къ нынѣшнимъ округамъ Ань-си и Дунь-хуань (т. е. Шачжоу)¹⁾. Что такое отождествленіе правдоподобно, это доказыается, между прочимъ, тѣмъ, что позднѣе китайская лѣтопись заставляетъ саньвэйскихъ цяней граничить на западѣ съ уже знакомыми намъ народами чеши и шаньшань, а на югѣ съ маньскими племенами, которыя въ тѣ отдаленныя времена еще населяли долины верхняго Хуанъ-хэ.

Въ теченіе послѣдующаго тысячелѣтія исторія западныхъ цяновъ намъ мало извѣстна. Вѣроятно, ихъ однообразная пастушеская жизнь разнообразилась только обычными у кочевниковъ междуусобіями и войнами съ своими восточными сосѣдями, которые въ ту эпоху, руководимые своими воинственными князьями, не разъ успѣвали накладывать на нихъ свою тяжелую руку. Окончательно покорены они были китайцами, однако, лишь въ 1293 г. до Р. Хр. Впрочемъ, господство китайцевъ надъ Хэси²⁾ было на этотъ разъ не особенно продолжительнымъ, потому что уже столѣтіе спустя мы видимъ ихъ снова воюющими съ тангутами и, повидимому, безъ особеннаго успѣха, такъ какъ послѣдующіе вѣка китайской исторіи

¹⁾ I. Бичуринъ «Исторія Тибета и Хухунора» I, стр. 2; II, стр. 219. Ab. Remusat «Histoire de la ville de Khotan», стр. 78. Успенскій «Страна Кунь-пунъ или Цинъ-хай» (Замоски Импер. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. VI, стр. 104 и слѣд.). Legge «Chinese classics», III, 1, стр. 126, примѣч. (цит. по A. d. Michels). «Гора Сань-вэй, говоритъ Legge, находилась къ юго-востоку отъ Дунь-хуана: сюда государемъ Шуэнь переселены были самые непокорные и наиболѣе преступные изъ народа мяо. Приходится такимъ образомъ думать, что мѣстность Сань-вэй издавна служила мѣстомъ ссылокъ самыхъ непокорныхъ элементовъ населенія Китая. Въ «Histoire géographique des seize royaumes», ouest. trad. par Abel des Michels, II, стр. 69, говорится однако: «Selon le commentaire de Lieou-tchao, étant le Tsün-chou-ti-tao-ki, dans le district de Choou-yang (Hloy-jang) se trouvait la montagne de San-oueï dans laquelle habitaient les San-Miao».

²⁾ Область Хэси называлась въ древности страна, лежащая къ западу отъ Хуанъ-хэ, т. е., точнѣе, совокупность нынѣшнихъ областей (фу): Лань-чжоу и Гань-чжоу, и округовъ (чжоу): Су-чжоу и Аньси.

отмечены безпрестанными войнами с западными цынами¹⁾. Наконец, в исходѣ VIII вѣка до Р. Хр. цыны до того усилились, что отняли у китайцевъ всѣ земли на востокъ до истоковъ р. Вэй-шуй.

Господство тангутовъ надъ Лань-чжоу'скимъ округомъ продолжалось до IV в. до Р. Хр., когда китайцы ихъ снова потѣснили за р. Эзинь-голь. Около 214 г. императоръ Ши-хуань-ди отбросилъ ихъ еще далѣе къ западу и довелъ постройкой знаменитую великую стѣну до поворота на сѣверъ Желтой рѣки. Самое осуществленіе этого грандіознаго сооруженія показываетъ, что Китай въ эту эпоху чувствовалъ себя особенно могущественнымъ. Но на сѣверѣ нарождавшаяся уже новая сила, которая вскорѣ явилась опаснымъ соперникомъ объединившейся при Цинахъ Китайской имперіи. Это были хунны²⁾, овладѣвшіе послѣдовательно бассейномъ Керулэна, Ордо-сомъ и Бэй-шанемъ, гдѣ они столкнулись сначала съ юэжисцами³⁾,

¹⁾ Изъ событий этого времени особенно замѣчательнъ походъ Му-вана, который, преслѣдуя тангутовъ, въ 964 г. до Р. Хр. доходилъ до Гуньву (т. е. Хами).

²⁾ Подъ именемъ хунной хунны были извѣстны китайцамъ уже въ историческія времена Яо (2357—2255 до Р. Хр.); во времена династии Чжоу (1122—225) это названіе имѣлось въ ханьцзю и, наконецъ, во времена династии Цинь (255—206) въ хуину (Іакинфъ. — «Исторія о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азии въ древнія времена», I, стр. 2, прим. 1; Neumann—«Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung», стр. 25).

³⁾ Іакинфъ такъ опредѣляетъ границы юэжискихъ кочевій: «Отъ Дунь-хуана на сѣверъ, отъ Великой Стѣны при Ордо-си на сѣверо-западъ до Хами». (Исторія Тибета и Хуннуора, I, стр. 17, примѣчаніе). Въ «Собраніи свѣдѣній о народахъ Средней Азии» мы находимъ слѣдующія указанія по тому же предмету: «Домъ Юэжи первоначально занималъ страну между Дунь-хуаномъ и хребтомъ Ци-лян-шаня», т. е. Хамйскими горами (III, стр. 6). «За четыре вѣка до Р. Хр. вся страна Хаси находилась подъ народомъ юэжи» (IV, стр. 85) и «Чжань-цзя есть названіе области (имѣя Гань-чжоу), открытой въ 111 г. до Р. Хр. на земляхъ, которыя въ періодъ «Брани царства», т. е. съ 480 по 223 г. до Р. Хр., находились подъ домомъ Юэжи». См. также Abel Rémusat «Histoire de la ville de Khotan», стр. 75—76; «Nouveaux mélanges asiatiques», I, стр. 221. В. Григорьевъ «Восточный или китайскій Туркестанъ», стр. 254—255, Visdelou «Histoire de la Tartarie» въ «Supplément de la Bibliothèque orientale», стр. 19. Gaubil «Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie Tang», въ «Mémoires concernant l'histoire, etc., des Chinois», XV, стр. 451, и M. Brosset «Relation du pays de Ta-ouan» въ «Nouveau Journal Asiatique», 1828, III, стр. 424.

Изъ этихъ данныхъ съ несомнѣнностью вытекаетъ, что въ IV в. до Р. Хр. юэжисцы владѣли всѣмъ Бэй-шанемъ и частью наншаньскаго подгорья. Не они-ли нанесли тангутамъ первый ударъ, отторгнувъ у нихъ огромную территорію Бэй-шаня? Или, можетъ быть, они явились въ Хаси уже послѣ того, какъ сю овладѣли усунь? (См. Успенскій «Страна Куко-норь или Цинь-хай», стр. 108). Въ китайскихъ лѣтописяхъ мы не находимъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Равнымъ образомъ, мы не знаемъ, откуда были родомъ юэжисцы. По этому поводу излагались самые разнообразныя взгляды. Visdelou считалъ ихъ отраслью восточныхъ монголовъ, кочевавшихъ въ Нью-лантѣ (Нурхатѣ), въ Маньчжуріи; Klaroth («Tableaux historique de l'Asie», стр. 132) высказался за тибетское ихъ происхожденіе, но въ дополнительной замѣткѣ къ тому же сочиненію, на стр. 287, отказался отъ такого предположенія, причисливъ и ихъ къ народамъ блыкурной расы. Въ виду этого Риттеръ юэжи-гетовъ принялъ уже за отрасль германскаго племени. Cunningham («Journal of the Asiatic Society of Bengal», XXXII), не соглашаясь ни съ одной изъ этихъ гипотезъ, настаивалъ на принадлежности юэжи къ народамъ тюркской крови. Наконецъ, Vivien de Saint-Martin въ «Mémoire sur les Huns Blanc ou Ephthalites des historiens byzan-

а затѣмъ и тангутами. Юэжисцы вынуждены были бѣжать на за-

tins» въ «Etudes de géographie ancienne», 1850, стр. 292—295 и 307—351, выводитъ ихъ изъ Тибета. Къ этому послѣднему взгляду на происхожденіе юэжи присоединялось и большинство ученыхъ, писавшихъ по этому предмету позднѣе, напримеръ, Рихтгофенъ («China», I, стр. 439—441, 544, 546) и въ самое послѣднее время Аристовъ («Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей», отд. оттискъ, стр. 17).

Юэжи Ханской династии были впоследствии извѣстны у китайцевъ подъ именемъ фда или идань (въ IV и V вѣкахъ); персы ихъ называли гайталами, армяне—тнедалами, арабы—кушанами, греки—индо-скинами, византийскіе писатели—бѣлыми хунами и эфталитами. Въ джатахъ, имѣя населенныхъ оба берега р. Инда, Vivien de Saint-Martin видитъ потомковъ кочжи.

Но вмѣстѣ съ нимъ V. de St-Martin'омъ было высказано и другое предположеніе, а именно, что кочжи—тоже, что тухло Сюзь-Цзана, т. е. тохары.

Страбонъ, говоря о тохарахъ, замѣчаетъ, что они вышли изъ страны Занскартской, въ которой сидѣли до нихъ саки; упоминаетъ о тохарахъ также и Юстинъ, какъ о кочевникахъ изъ глубины Азии, вторгнувшихся въ предѣлы Греко-Бактрійскаго царства и воевавшихъ съ паронами (анси-китайцевъ); наконецъ, и Сюзь-Цзанъ говоритъ, что страна къ юго-западу отъ Лобь-нора въ древности принадлежала народу тухло. Все это вполне оправдываетъ возможность отождествить кочжи съ тохарами.

Но я сомнѣваюсь въ вѣрности такого отождествленія, и вотъ по какимъ соображеніямъ:

Страбонъ, говоря о занскартскихъ скивахъ, изводившихъ Согдиану и Бактриану, упоминаетъ о тохарахъ въ числѣ другихъ народовъ: асией, пасиановъ и сакарауловъ. Изъ сохранившагося огазненія потеряннаго исторіи Трога Помпея видно, что его XLI книга повѣствовала о томъ, какъ скинскіе народы саранки и асианы покоряли Бактрию и Согдиану, а книга XLII о томъ, какъ асианы подѣлялись царями у тохаровъ.

Послѣднее указаніе особенно цѣнно, такъ какъ свидѣлствуетъ, что тохары были не побѣдителями, а побѣжденными народомъ. Оно, повидимому, относится къ I или даже II вѣку до Р. Хр. Но мы имѣемъ о тохарахъ и болѣе раннія извѣстія, восходящія къ VII вѣку до Р. Хр. Такъ, гноздесобразныя надписи намъ говорятъ, что знаменитый ассирійскій царь Сеннасерибъ (704—680) подчинилъ своей власти народъ тохары, который жилъ въ своихъ городахъ, расположенныхъ на неприступныхъ горныхъ высяхъ (горы Нуригъ—вѣроятно горы верховій Инда и его сѣверныхъ притоковъ), подобно птицамъ въ гнѣздахъ, и другой народъ дахъ, обитавшій также въ недоступныхъ горахъ, разрушивъ у него 33 города. О тохарахъ же, какъ о народѣ, привозившемъ въ Индію спеку и желѣзо, говорится и въ Магабхаратѣ.

Сопоставляя эти извѣстія о тохарахъ, мы приходимъ къ заключенію, что задолго до нашей эры народъ этотъ населялъ неприступныя выси Кафиристана, Кабулстана, а, можетъ быть, даже Когистана и Гилгита; что съ теченіемъ времени онъ спустился съ этихъ горъ и сѣлся въ долину, сѣю единичнымъ ему иранскимъ населеніемъ Согдиану, Бактриану и Восточнаго Туркестана, передавъ ему въ качествѣ побѣдителя и свое племенное имя, и что затѣмъ, въ свою очередь, онъ былъ покоренъ сначала греками, а тамъ саками и юэжисцами. Юэжисцы, какъ кочевники, могли дать Тохарестану лишь династію, но не могли ассимилировать, поглотить всего его населенія. Оттого-то, когда династія эта пресѣлась и государство распалось на множество мелкихъ владѣній, изродное названіе получилъ перенѣтъ передъ династическими, и китайцы стали называть всю страну Тухоло. При этомъ они писали: «тухолосамъ и идлиамъ живутъ здѣсь сѣшанно» (Іакинфъ—«Собр. свѣд. о нар. Средн. Азии», III, стр. 202 и 255). И далѣе: о тухоло, что «они имѣютъ нравъ кроткій и трусливый, черты лица некрасивыя и грубыя» (въ такихъ выраженіяхъ они всегда описывали иранцевъ; см. St. Julien «Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde», стр. 455); и объ идлиамцахъ, что это были потомки кочжи, даже въ VIII вѣкѣ сохранившіе еще свой кочевой бытъ («обыкновеніями сходны съ тукиспаями», Іакинфъ, ib. стр. 256). Мнѣ кажется, что именно это яство китайскихъ сказаній очень важно, такъ какъ указываетъ на то, что китайцы подъ именемъ тухоло и идань разумѣли два различныхъ народа.

Для полнаго разъясненія вопроса о народѣ тохарахъ представляется существенно необходимымъ рѣшить также вопросъ о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ Даха китайскаго посла Чжань-Циня? Въ послѣднихъ китайскихъ описаніяхъ Западнаго края говорится, что «Даха есть Тухоло» (Іакинфъ, ib. стр. 256). Между тѣмъ Чжань-Цинъ доносилъ, что Даха есть названіе не государства и не народа, а династии: «Когда кочжи, идучи на западъ, разбѣла ихъ

падъ¹⁾; только небольшая вѣтвь ихъ уклонилась на югъ, въ долину Сининской рѣки, гдѣ и продолжала существовать, не смѣшиваясь съ окрестными племенами вплоть до конца II вѣка по

(кого? очевидно, что названіе коренного населенія Бактріаны осталось неизвѣстнымъ Чжань-Цяню), то они подпали дому Даха (Лакинфа, ib, стр. 8). Кто же были эти даха, въ лицѣ коихъ тохары искали защиты отъ кочевниковъ юэжи? На это дастъ намъ отвѣтъ Страбонъ, который пишетъ, что «дахи» были «экхохэн йвеси», можетъ быть одно изъ отдѣльных саконъ, которые и управляли Тохарестаномъ до его окончательнаго покоренія юэжи.

Рихтгофенъ, въ подтвержденіе гипотезы о тождествѣ юэжи и тохаровъ, приводитъ еще нижеслѣдующія соображенія: «Dass aber früher die Yue-tshi diesen Handel wenigstens auf einem Theil der Strecke, vielleicht bis Ladak, in ihrer Hand gehabt hatten (здесь говорится о торговлѣ жемчугомъ и шелкомъ, которую вела съ Индіей голубоглазый и блондинъ народъ; очевидно—древніе иранцы, которые, вѣтъ всякаго сомнѣнія, были блондинами и голубоглазыми народами), wird dadurch erhärtet, dass sie unter allen Völkern des Tarym-Beckens und seiner Umgebungen dasjenige sind, über dessen Bekehrung zum Buddhismus wir die frühesten Nachrichten haben. Denn bei den kleinen Yue-tshi gab es, nach chinesischen Berichten aus dem Jahre 550 n. Chr., einen Tempel des Buddha, welcher damals 842 Jahre alt, mithin im Jahre 288 v. Chr. errichtet worden war (Deguignes въ «Mém. de l'Acad. R. des Inscr., XI, 1780, стр. 215). Dies erklärt es auch, dass sie einen indischen Namen schon so früh tragen und mit sich nehmen konnten, während die anderen Sanskritnamen der Völker und Orte im Tarym-Becken erst viel später entstanden sind». Все это построение должно, однако, рухнуть, потому что въ основаніе его легло неточно переданное китайское извѣстіе; въ дѣйствительности же «Малыми Юэжи» называлась въ V в. та часть юэжійскаго народа, которая при Цидоо овладѣла южными скатами Гиндукуша и основала тамъ особое владѣніе, столицей которому служилъ городъ Фу-лу-ша (Пурушapura, Пешаверъ), на югъ отъ Болю (Баха?). Въ 10 ли къ востоку отъ этой столицы, говоритъ Ма-дуань-линь, есть ступа, посвященная Буддѣ, имѣющая 350 шаговъ въ окружности и 80 чан'овъ высоты; отъ времени постройки этой ступы до 8-ого года правленія Вудинъ (550 по Р. Хр.) прошло 842 года (Григорьевъ «Кабулистанъ и Кафиристанъ», дополненія, стр. 810). Изъ сего видно, что пешаверская ступа, построенная вѣроятно индійскимъ владѣтелемъ Асока, не можетъ имѣть ни малѣйшаго отношенія къ народу юэжи.

Наконецъ, мнѣ остается еще сказать, что противорѣчить гипотезѣ Vivien de St.-Martin'a также и то обстоятельство, что, по свидѣтельству Körppen'a («Die Religion des Buddha», II, стр. 42; цит. по Н. Yule—введеніе къ «A Journey to the source of the river Oxus by Captain John Wood», стр. XXVIII), тибетцы и понынь зовутъ жителей Восточнаго Туркестана—Thagar. Въ тибетскомъ сочиненіи «Минь-чжуа хутукты», переводомъ части коего мы обязаны Васильеву, находятся слѣдующія на этотъ счетъ интересныя указанія: «рѣка Бакшу (Вахшъ) вытекаетъ изъ С.-З. стороны (отъ?) Даса, находящейся въ Тохарской (Тохарской) странѣ, и, направляясь къ западу, проходить черезъ Бахъ, Бухару, Хиву и не подалеку отъ Румъ впадаетъ въ море, называемое Манасарваромъ. «Р. Сита (Таримъ) выходитъ изъ С.-З. отрасли Гангеса и, миновавъ Яркендъ и др., впадаетъ въ солоное море, въ Тохарской странѣ Турфанъ». («Географія Тибета», стр. 5) А если такъ, то свидѣтельство Сюань-Цзана получаетъ новое для насъ значеніе, указывая на восточный предѣлъ распространенія иранской расы въ доисторическія времена. Что же касается до показаній Страбона, то не надо забывать, что они писались по слухамъ и, притомъ, столѣтіе спустя послѣ завоеванія Тохарстана кочевниками, когда, какъ свидѣлствуетъ о томъ китайская исторія (Лакинфа, ib, стр. 118—119), даже «сосѣднія государства стали называть ихъ владыкѣ гуйшуанскими государями, и только китайскій дворъ удержалъ имъ прежнее названіе—Большіхъ Юэжи».

¹⁾ Моэ поразилъ юэжи въ 177 г. до Р. Хр. («Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 23). Полагаютъ, что юэжи бѣжали на западъ, слѣдуя сѣвернымъ подножіемъ Тянь-шаня. Въ долину р. Или они столкнулись съ народомъ ся, т. е. саксами, которыхъ и потѣснили на западъ. Но въ долину р. Или они остались недолго. Подъ напоромъ успѣшны они должны были уйти отсюда въ вышнюю Сыр-дарьинскую область, гдѣ вновь встрѣтились съ саксами. Последніе тогда обрушились на Греко-Бактрійское царство и, пройдя Гиндукушъ, остановились въ долинѣ

Р. Хр. ¹⁾. Что касается тангутовъ, владѣвшихъ еще, какъ кажется, въ эту эпоху большею частью Наньшанскихъ горъ, то они, не будучи въ силахъ противиться напору хунновъ, откочевали на югъ, въ область Амдо.

Легко покоривъ западныхъ цановъ и юэжи, ханъ хунновъ Моэ ²⁾ отважился произвести нападеніе и на самый Китай. Обстоятельства ему настолько благоприятствовали, что уже годъ спустя, т. е. въ 200 г. до Р. Хр., онъ вынудилъ императора Тай-цзу Гао-ди заключить съ нимъ миръ на условіяхъ крайне позорныхъ и отяготительныхъ для Китая ³⁾. Позднѣе (въ 177 г. до Р. Хр.) Моэ покорилъ Восточный и Западный Туркестаны, земли современной Бухары и Туркменіи и такимъ образомъ, распространилъ свои владѣнія до береговъ Каспійскаго моря ⁴⁾.

Преемники Моэ не отличались воинственностью. Послѣдующіе 50 лѣтъ мира, который нарушался лишь незначительными пограничными стычками, разслабляющимъ образомъ подѣйствовали на силы кочевниковъ, такъ что, когда, наконецъ, китайцы рѣшились разорвать трактатъ 200 года и съ значительнымъ войскомъ перешли границу (въ 129 г. до Р. Хр.), то они уже не встрѣтили ни въ Ордосѣ, ни далѣе къ западу сколько нибудь мужественнаго отпора. Спасаясь отъ китайскихъ полчищъ, ханъ Ичисѣ въ 123 г. вынужденъ былъ покинуть привольныя долины Инъ-шаня и перенести свою ставку на сѣверъ, къ подножіямъ сумрачнаго Хангая. Но и

р. Инда (Гибинъ). Въ свою очередь юэжи перешли Аму-дарью въ 128 г. до Р. Хр., нѣсколько позднѣе овладѣли Кабуломъ (См. Лакинфа — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 55, гдѣ говорится, что юэжійскіе государи владѣли Гаофу, т. е. Кабуломъ, въ эпоху составленія первыхъ записокъ о Западномъ Краѣ, т. е. между 74 и 39 годами, а также Григорьева—Дополненія къ «Кабулистану и Кафиристану» Риттера, стр. 795; слѣдуя китайскому комментатору Ма-дуань-линю, Pauthier въ «Examen méthodique des faits qui concernent l'Inde», въ «Journal Asiatique», 1839, troisième série, VIII, стр. 265, это событіе относитъ къ нѣсколькимъ позднѣйшимъ временамъ, а именно къ 26 г. до Р. Хр.), а затѣмъ и долиной Инда и основали такъ называемое Индо-Скиское царство, время паденія коего въ точности неизвѣстно.

¹⁾ См. I. Бичуринъ «Исторія Тибета и Хукунора: I, стр. 33, 43, 56, 66 и 72. «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», III, 7 и 55. Правильнѣе было бы сказать, что до конца II в. до Р. Хр. мы находимъ въ китайскихъ лѣтописяхъ указанія на существованіе племенъ юэжи въ долинѣ Сининской рѣки. См. однако указаніе Лакинфа на то, что «юэжи и донынѣ (какъ слѣдуетъ понимать это «донынѣ») живутъ неподалеку отъ Си-минъ-фу на западѣ, подъ названіемъ И-цунъ-ху». («Опис. Иерус. и Вост. Туркест.», стр. XLV).

²⁾ Neuman, op. cit., стр. 32, утверждаетъ, что правильнѣе писать Мао-дунъ (Mao-tun).

³⁾ Такъ какъ договоры на подобныхъ же условіяхъ заключались китайцами и впоследствии, то у китайскихъ историковъ они получили особый терминъ «хо-чунъ», что значитъ договоръ основанный на мирѣ и родствѣ. Условія такихъ договоровъ состояли въ томъ, что китайскій дворъ, выдавая царевну за иностраннаго владѣтеля, обязывался въ то же время ежегодно вносить послѣднему извѣстное количество даровъ.

⁴⁾ Лакинфа. «Записки о Монголіи», ч. III, стр. 11. Visdelou, op. cit., стр. 19.

сюда по его следам проникли китайцы и в 119 г. нанесли ему здесь два поражения: одно у берегов Байкала, другое в неизвестной местности близ Хангайских гор.

Победоносный исход китайского похода имел огромное значение для дальнейшей истории Средней Азии, так как с этого момента китайцы впервые ¹⁾ получили доступ на запад, в Хэси и земли бассейна Тарима. Их движение туда, ставшее вскоре стихийным, определило всю дальнейшую судьбу Притяньшанья; более того, если вникнуть глубже в ход последующих событий, то окажется даже, что и все главнейшие моменты из жизни народов, населявших когда-либо современный Синь-цзянь, находятся в причинной связи с этим движением.

Еще в 121 г. китайскому полководцу Хо-цуй-бину удалось проникнуть за Хуань-хэ до р. Тао-лай (Си-хэ), на берегу которой и основать укрепление Цю-цюань, ныне г. Су-чжоу ²⁾. Когда же разбитые хунны бегали из-под Нань-шаня на север ³⁾, то ничто уже не могло помешать китайцам укрепиться в Хэси ⁴⁾. К этому времени (а именно к 111 г. до Р. Хр.) относится основание городов: Чжань-ь-гюнь (Гань-чжоу), Юй-мынь-гуань, Минь-ань (Аньси) и Дунь-хуань-цзюнь. Таким образом гранью китайских владений на запад явились пески Болунь-дуй (Кумтаг), за которыми простирались уже земли Восточного Туркестана.

Во II в. до Р. Хр. история застаёт Восточный Туркестан раздробленным на множество владений, о размерах коих можно составить себе понятие из того факта, что девять или даже десять таких княжеств в общей совокупности едва равнялись нынешнему Турфанскому округу ⁵⁾. Что такое дробление земель не

¹⁾ Поход Му-вана был не более как блестящий эпизод китайской военной истории. В ту отдаленную эпоху раздробленный Китай не был готов к колонизаторской деятельности.

²⁾ В «Записках о Монголии», III, стр. 14, ошибочно сказано, что Хо-цуй-бин проник только до Гань-чжоу. Кроме Су-чжоу тем же полководцем основан был и город Вой-цзюнь или Ву-вой, ныне Лян-чжоу.

³⁾ «После сего (т. е. после погрома в 119 г.) хунны далеко уклонились и по южную сторону пустыни уже не было княжеских стоянок...» (Лакинф «Собрание сведений о народах Средней Азии», т. I, стр. 41).

⁴⁾ Важное значение захвата Хэси сознавали и сами китайцы, что видно из нижеследующих слов летописца: «Государь Ву-ди... открыв через сие дорогу в Юй-мынь, преступить цзяньмь сообщения с хуннами» (Л. Витуринг «Ист. Тиб. и Хух.», I, стр. 18).

⁵⁾ Эти владения следующие: Хуху (Токсун), Билу-залий (Сингидж), Гэ и Цы (оба по р. Булунж-баур), Юйлинь (Лемджинь и Субаши), Дамми западный (Ханьду), Дамми восточный (Пичань), Чешу (Турфан) и Билу перелый (Кара-халжа). Сверх того, вероятно, и Лю-чжун (Лукчун), что видно из следующего: «При династии Хань в Лю-чжун был китайский правитель страны» («Собр. свд.», IV, 44).

было последствием удельной системы правления, это доказывает нам вся история Восточного Туркестана, где владения распадалась и объединялись только насильственным путем. Но в таком случае, что же это были за владения, и каковы были отношения их владетелей друг к другу?

Хотя трудно доказать, что владения греко-бактрийских государств, простираясь на Согдиану и Маргиану, в то же время когда-либо распространялись и на восток от Памира, захватывая часть Восточного Туркестана ¹⁾, тем не менее едва ли подлежит сомнению тот факт, что свою культуру и весь строй государственной и общественной жизни этот последний заимствовал с запада ²⁾, из древней Бактрианы, с которой его связывали, при сходственном племенном составе населения, как общия верования, так и торговые интересы ³⁾. О государственном же строе Бактрианы вот что сообщают нам китайские летописи того времени.

«В Бактрии (Дахя), простирающейся к югу от реки Амударьи (Гуй-шуй), ведут оседлый образ жизни; имеют города; обычаи жителей сходны с ферганскими (даваньскими); не имеют верховной главы, но каждый город управляется самостоятельно» ⁴⁾.

Это ценное известие находит себе подтверждение и у арабских историков.

«Сильной монархической власти, которая сдерживала бы произвол поземельной аристократии в Мавераннахре (т. е. «Зарьчии») не было. Вопреки словам некоторых персидских историков, власть Сассанидов, возстановивших Персидскую монархию, никогда не простиралась на Мавераннахр. Что касается местных владетелей, то они были только первыми дворянами. Подобно своим подданным, они назывались дикканами ⁵⁾ и, вообще, больше напоминали древне-греческих базилевсов, чем азиатских деспотов. О вла-

¹⁾ Klaproth («Tableaux historiques de l'Asie», стр. V) определяет, однако, границам Бактрианы на восток по Цунг-лину и Тибетским горам (à l'orient l'empire était limité par les montagnes du Tibet et la chaîne de Tsoung-ling). Ср. также Григорьев «Греко-Бактрийское царство», стр. 29.

²⁾ Когда китайцы впервые проникли в Восточный Туркестан, то они уже всюду нашли здесь искусственное орошение полей и иную развитую городскую жизнь.

³⁾ Что торговые связи Восточного Туркестана с Бактрией, а через нее и с Индией, продолжались и много позднее, после того даже, как южнокитайцы на развалинах греко-бактрийского государства основали индоскиновское царство, видно, между прочим, из того обстоятельства, что владетель Восточного Туркестана посылал верблюдов в Китай провозить диковинки Индии и в том числе даже слонов и львов. (См. Abel Rémusat, «Histoire de la ville de Khotan», стр. 77, 86, 95).

⁴⁾ «Собр. свд. о нар. Средн. Азии», III, стр. 8. Abel Rémusat, «Nouveaux mélanges asiatiques», I, стр. 220.

⁵⁾ Дикканами называют теперь мелких крестьян-собственников.

дѣтелѣ Бухары, носившемъ титулъ бухаръ-кудата, т. е. господина Бухары, Нершахи говоритъ слѣдующее: «Среди нихъ (т. е. дворянъ) былъ знатный дикханъ, котораго называли бухаръ-худатомъ, такъ какъ онъ происходилъ изъ древняго дикханскаго рода, владѣлъ обширными землями, и большая часть народа состояла изъ его крѣпостныхъ и служителей». Дикканами называли даже самыхъ сильныхъ мѣстныхъ владѣтелей, царей ферганскаго и самаркандскаго. Размѣры отдѣльныхъ владѣній большею частью были очень невелики; такъ въ долину Зеравшана мы находимъ цѣлый рядъ такихъ государствъ. Дикканы, подобно средневѣковымъ рыцарямъ, жили въ укрѣпленныхъ замкахъ; даже въ эпоху Саманидовъ замокъ считался еще необходимой принадлежностью каждаго помѣстья. Ихъ отличительнымъ признакомъ былъ золотой поясъ, увѣшанный кинжалами. Иногда подъ властью такихъ диккановъ объединялось нѣсколько владѣній, даже обширныя области, какъ, напримѣръ, Фергана, Согдъ, Шашъ (Ташкентъ); но какъ непрочна была власть такихъ царей, видно изъ того, что въ каждой изъ трехъ названныхъ областей были періоды, когда царя вовсе не было, и вся власть находилась въ рукахъ аристократіи»¹⁾.

Такой политическій строй господствовалъ, вѣроятно, въ Туркестанѣ съ незапамятныхъ временъ. «Царство, основанное въ Туркестанѣ Діодотомъ I, пишетъ Григорьевъ²⁾, было не монархія, а скорѣе союзъ государствъ, въ которомъ одно изъ нихъ, именно занимавшее Бактріану собственно, первенствовало предъ прочими по силѣ и богатству и признавалось ими главенствующимъ. Страны, заключающіяся въ бассейнахъ Аму и Сыра, постоянно почти являются въ исторіи раздѣленными на нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ владѣній, слабѣйшія изъ которыхъ подчиняются въ извѣстной мѣрѣ сильнѣйшимъ. Разливается на эти страны какой-либо завоевательный потокъ извнѣ, съ юго-запада или сѣверо-востока, помянутыя единицы потопляются имъ и какъ бы исчезаютъ; но лишь только силы завоевателей начинаютъ слабѣть, и падаетъ ихъ могущество, тотчасъ же воспріимается краемъ прежній политическій его строй, и опять всплываютъ наверхъ тѣ же мелкія государства съ двумя, тремя преобладающими надъ ними. Такой порядокъ вещей, есть основаніе думать, существовалъ въ означенныхъ странахъ и до обращенія ихъ въ области Персидскаго царства

¹⁾ Бартольдъ. «Нѣсколько словъ объ арийской културѣ въ Средней Азій». («Среднеазиатскій Вѣстникъ» июль, 1896).

²⁾ «Греко-Бактрійское царство», стр. 27—28.

при Ахеменидахъ. При преемникахъ Александра персидскихъ сатраповъ замѣнили здѣсь греческіе. Они не преминули воспользоваться первыми затрудненіями Селевкидовъ, чтобы завоевать себѣ независимость. «Но независимость греческихъ эпарховъ приняла здѣсь мѣстную форму: слабѣйшія изъ нихъ признали себя подручными сильнѣйшаго».

Все сказанное о Западномъ Туркестанѣ вполне примѣнимо и къ Восточному, гдѣ къ тому же физическія условія страны благоприятствовали удержанію долѣе, чѣмъ на западѣ, древняго арийскаго строя общественной и государственной жизни, измѣнившагося подъ вліяніемъ Китая только въ одномъ отношеніи: въ усиленіи монархическаго принципа. Послѣдній получилъ здѣсь замѣтное развитіе въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ китайское правительство надѣлило восточно-туркестанскихъ владыкъ титулами князей различныхъ степеней, въ зависимости отъ богатства и обширности ихъ владѣній.

«Китайскій дворъ, читаемъ мы у Іакинфа¹⁾, по покореніи Восточнаго Туркестана, и большія и малыя владѣнія, въ знакъ взаимной ихъ независимости, назвалъ—«го», т. е. царствами, а ихъ владѣтелей различными княжескими титулами. Различіе въ степеняхъ между ними состояло только въ неравномъ числѣ княжескихъ чиновниковъ, утверждаемыхъ императоромъ».

Дѣйствительно, это очень интересный фактъ: владѣтели Восточнаго Туркестана до знакомства своего съ Китаемъ хотя и носили титулы²⁾, тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ, въ ихъ политикѣ по отношенію къ этой державѣ, стало не послѣднюю роль играть стремленіе добиться и грамоты на китайскій титулъ.

Изъ владѣній Восточнаго Туркестана, лежавшихъ въ предѣлахъ Бэй-шаня или по сосѣдству съ нимъ, китайскія лѣтописи упоминаютъ о слѣдующихъ: о Шаньшани, Цзюймо, Юйли, Вэйсюй, Яньци, о рядѣ упомянутыхъ выше владѣній нынѣшняго Турфанскаго округа, о Шаньго и Иву.

Постараемся съ возможной точностью опредѣлить ихъ бывшее мѣстоположеніе и границы.

Изъ перечисленныхъ владѣній съ наибольшей точностью можно установить мѣстоположеніе Яньци. Яньци принято отождествлять

¹⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азій», III, стр. 37, прим. 2.

²⁾ Это, по крайней мѣрѣ, извѣстно для нѣкоторыхъ изъ туркестанскихъ владѣтелей, такъ, напримѣръ, кушскій владѣтель титуловался «басмъ», харахарскій—«лунонь», и т. д. Различные титулы носили также и владѣтели Западнаго Туркестана.

съ современнымъ Карашаромъ. Что отождествленіе это не вполне правильно, это, между прочимъ, видно изъ нижеслѣдующаго, сохранившагося въ китайскихъ лѣтописяхъ, описанія окрестностей этого города: «Столица владѣтеля Яньци съ трехъ сторонъ (у Іакинфа сказано: съ четырехъ сторонъ, что не вяжется съ послѣдующимъ) окружена горами, съ четвертой озеромъ Хай-шуй; почему владѣтель, полагаясь на это, не имѣлъ предосторожности»¹⁾. При одномъ уже взглядѣ на карту легко убѣдиться, что древній Яньци не могъ занимать мѣста современнаго Карашара. Онъ долженъ былъ находиться дальше къ западному концу озера, гдѣ подгорья хребта Кокъ-тепе всего ближе подступаютъ къ берегу Баграшъ-куля. Дѣйствительно, здѣсь, въ 18 верстахъ къ востоку отъ сѣвернаго устья ущелья Конче-даръи, довелось Пѣвцову натолкнуться на развалины древняго обширнаго города, о которомъ у туземцевъ сохранилось преданіе, что онъ былъ выстроенъ китайцами во времена Танской династии²⁾. Но китайскія лѣтописи, хотя и говорятъ, что около половины XII вѣка Яньци обращенъ былъ въ губернский городъ (фу), не упоминаютъ, однако, о построеніи новаго города, изъ чего нельзя не вывести заключенія, что развалины Танъ-ванъ-чинъ не что иное, какъ остатки древняго Яньци.

Іакинфъ помѣщаетъ Вэйсюй въ долинѣ Цаганъ-тунге (Алго). Если, однако, вѣрны приводимыя въ китайской лѣтописи разстоянія, то владѣніе это не могло находиться къ востоку отъ Яньци далѣе нынѣшняго селенія Ушакъ-тала.

О владѣніи Шаньго В. Григорьевъ замѣчаетъ нижеслѣдующее: «Владѣніе это, по точному опредѣленію смежныхъ съ нимъ ото-всюду владѣній и разстоянія его отъ нихъ, помѣщаемъ мы смѣло на сѣверномъ берегу Лобъ-нора, около впаденія въ это озеро р. Тарима»³⁾.

Какъ ни категорично это опредѣленіе, его слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе, признать ошибочнымъ.

Вотъ, что читаемъ мы о Шаньго у Іакинфа: Народъ живетъ въ горахъ, гдѣ добываетъ желѣзо, а хлѣбъ покупаетъ въ Яньци и Вэйсюй; отъ перваго находится на юго-востокъ, отъ Юйли (Курли) на востокъ, на югъ же смежно съ Цзюймо и Шаньшанью. Разстояніе резиденціи, выраженное въ ли, слѣдующее: отъ Яньци —

¹⁾ Іакинфъ. «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азии», III, стр. 216.

²⁾ «Труды Тибетской экспедиціи», ч. I, стр. 337.

³⁾ «Восточный или китайскій Туркестанъ», стр. 35.

160; отъ Юйли—240 и отъ Вэйсюй—260. Владѣтель постоянно живетъ у подошвы горы (т. е. не въ городѣ)¹⁾. Эти данныя вполне опредѣленно указываютъ намъ на бывшее мѣстонахожденіе Шаньго. Это долина Сынырь, Сангырь или, какъ ее намъ называли въ Лукчунѣ, Сингимъ²⁾, заключенная между хребтами Курукъ-тагъ и Синбирскимъ.

Сыныромъ называютъ теперь только небольшое селеніе, основанное не болѣе полустолѣтія тому назадъ. Но что Сынырь, подъ именемъ котораго понималась, можетъ быть, вся система богатыхъ водою долинъ между Курукъ-тагомъ и Чолъ-тагомъ, къ западу отъ меридіана Токсуна, былъ населенъ и въ древнія времена, въ этомъ убѣждаютъ насъ встрѣченныя Козловымъ развалины древняго укрѣпленія, остатки надмогильныхъ памятниковъ, слѣды селеній, постройки, частью уже уничтоженныя дѣйствіемъ воды, и древніе рудники³⁾. Но это еще не все по части остатковъ старины въ этой части Бэй-шаня. Привожу нижеслѣдующую выдержку изъ моего письма на имя секретаря Географическаго Общества, помѣченнаго 8 января 1890 г.: «Развалины въ Сингимѣ (Сынырь) множество. Ежегодно изъ Лукчуна отправляются туда кладо-искатели, которые за свой трудъ не остаются въ убытокъ, ибо золотыхъ и серебряныхъ издѣлій находятъ тамъ порядочно; сверхъ того, много мѣдныхъ кувшинчиковъ, кадильницъ и тому подобныхъ вещей, которыя и сбываются ими лукчунскимъ мѣдникамъ. Не смотря на всѣ мои старанія, я ничего не могъ добыть изъ этихъ остатковъ уйгурскихъ древностей (такъ какъ туземцы приписываютъ эти развалины уйгурамъ), ни даже ихъ письменъ, которыя, какъ мнѣ сообщали, всего чаще попадаются вмѣстѣ съ пшеничными зернами въ особеннаго вида глиняныхъ кувшинахъ; встрѣчаются также листики, исписанные кругомъ, въ футлярахъ изъ дерева или рога, но листики эти очень хрупки и при развертываніи ломаются и разрываются»⁴⁾.

¹⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азии», III, стр. 88. «Ср. Description orographique du Turkestan Chinois», trad. du «Si-yu-t'ou-tché» par Camille Imbault-Huart въ «Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes», XVI, 1881, стр. 85—88.

Въ другомъ мѣстѣ («Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. XXXVIII) Іакинфъ высказывается о мѣстоположеніи Шаньго еще болѣе опредѣленно: «Шаньго лежало въ песчаныхъ горахъ за сто ли отъ оз. Бостана на югъ. Сія гора простирается отъ Эгары-тага черезъ песчаную степь въ непрерывныхъ холмахъ и буграхъ, почему самое владѣніе китайцами названо Шаньго, что значитъ: Горное издѣліе».

²⁾ См. т. I, стр. 382 и 401.

³⁾ Козловъ говоритъ, впрочемъ, только о синимовыхъ рудникахъ. (См. «Русскій Инвалидъ», 1894 г. № 36, 37 и 184).

⁴⁾ «Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.», XXVI 1890, стр. 294.

Сказанного достаточно для того, чтобы с большей долей уверенности отождествить Шаньго с Сангыромъ или Сыныромъ.

Юйли совершенно правильно приурочивается Григорьевымъ къ Корлѣ¹⁾; но такъ какъ южныя границы этого владѣнія намъ неизвѣстны, то крайне трудно опредѣлить и мѣстоположеніе Цзюймо, бывшаго сь нимъ въ эту сторону смежнымъ. Впрочемъ, разстояніе, показанное отъ Хотана (1480 ли), въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Цзюймо на сѣверѣ граничило не только съ Юйли, но и съ Шаньго, даетъ намъ поводъ думать, что владѣніе это находилось при устьяхъ Черченъ-дарьи и Тарима или даже, можетъ быть, нѣсколько сѣвернѣе, примѣрно, близъ нынѣшняго селенія Тыккеликъ, къ сѣверо-востоку отъ котораго, близъ стараго русла Конче-дарьи, дѣйствительно, еще и до сихъ поръ уцѣлѣли развалины древняго города, носящія названіе Эмпень. Кстати замѣчу, что за два вѣка до Р. Хр. Конче-дарья уже составляла притокъ Тарима, а не впадала самостоятельно въ оз. Лобъ-норъ²⁾, которое въ то отдаленное время мало чѣмъ отличалось отъ нынѣшняго: оно имѣло въ длину около 200 верстъ (410 ли), въ ширину около 100 (200 ли), и настолько при этомъ густо проросло тростникомъ, что уже тогда китайцы называли его тростниковымъ озеромъ Пу-чанъ-хай³⁾.

¹⁾ На стр. 215 первого тома «Опис. пут. въ Зап. Китай» Корля (Курля) ошибочно отождествлена съ Кюйли, владѣніемъ, лежавшимъ по Тариму западнѣе Корли. Въ Шуй-цзинъ-чжу сказано: «Рѣка владѣнія Ян-ли, по выходѣ изъ Си-хай'я (Баграшъ-куля), проходитъ черезъ владѣніе Юй-ли-го и, выйдя на западъ изъ ущелья Тъ-гуанъ-чу въ Песчаныхъ горахъ (Ша-шань), течетъ на ЮЗ; затѣмъ она проходитъ у города Лянъ-чэнъ (древнее названіе современнаго города Корли), гдѣ изъ нея отводятся арки для орошенія полей; отсюда она, извиваясь, протекаетъ на Ю., проходитъ на западъ владѣнія Цюй-ли (Кюйли) и, повернувшись на ЮВ., проходитъ у столицъ владѣній Цюй-ли, послѣ чего, направляясь на югъ, впадаетъ въ рѣку» (Таримъ). Цитировано изъ «Записокъ о монгольскихъ кочевьяхъ», пер. Поповымъ.

²⁾ См. однако любопытную японскую карту, изданную въ 1714 году и имѣющую китайскій титулъ «Си-юй-танъ-чжу-чжи-ту», что значитъ «Карта западнаго края и пяти Индій», на которой какая-то рѣка показана отдѣльно впадающей въ «Пу-чанъ-хай» (приложена къ 2 тому «Mémoires relatifs à l'Asie» Klaproth's). Vivien de Saint-Martin полагаетъ, что эта карта лишь уменьшенная копія съ карты, приложенной St. Julien'омъ ко 2 тому «Mémoires sur les contrées occidentales»; вѣроятнѣе, однако, что какъ та, такъ и другая—копіи съ неизвѣстнаго намъ китайскаго оригинала. Къ заключенію этому не трудно прийти, если ближайшимъ образомъ сравнить обѣ карты между собою.

У Иакинфа («Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана» стр. XXIX) также читаемъ: «Хайду-голь впадаетъ въ него (т. е. въ оз. Лобъ-норъ) съ сѣверо-запада изъ оз. Бостона. Эреколь, вливающаяся съ запада, составляется изъ пяти большихъ рѣкъ, изъ коихъ Куча-дарья и Аксударья выходятъ изъ Сѣверныхъ горъ, Кашгаръ-дарья и Ярканъ-ѳстанъ изъ Лукомыхъ горъ; Хотанъ-дарья составляется изъ множества ключей, выходящихъ изъ Южныхъ горъ». Эти свѣдѣнія онъ почерпнулъ изъ Китайской Государственной Географіи.

³⁾ Мнѣ кажется, это указаніе очень важно, и странно, что Рихтгофенъ и Свенъ-Гединъ, старавшіеся доказать, что Лобъ-норъ, впервые описанный Пржевальскимъ, не есть Лобъ-норъ

Владѣніе Лэулянь, въ послѣдствіи Начжи, переименованное китайцами въ Шаньшань, описывается въ китайскихъ лѣтописяхъ нижеслѣдующимъ образомъ.

Черезъ него протекаетъ дорога въ западныя владѣнія; почва частью песчаная, частью солончаковая, почему земледѣліе возможно только въ немногихъ мѣстахъ. Преобладающая растительность камышъ, раkitникъ и тополь¹⁾; жители ведутъ кочевой образъ жизни; разводятъ лошадей и ословъ, но главнымъ образомъ вер-

ханскихъ временъ, не обратили на него вниманія. Камышъ, какъ извѣстно, не растетъ по берегамъ соленыхъ озеръ, развѣ только при устьѣхъ рѣкъ, гдѣ иѣется огромный притокъ прѣсной воды; такъ, напримѣръ, ивъ сплошь проросли юго-восточные берега Балхаша, но только при устьѣхъ впадающихъ сюда рѣкъ, берега Эби-нора, при устьѣ Кйтына, берега Каспия при устьѣ Ураа и т. д.

По поводу вновь поднятаго Свенъ-Гединомъ лобъ-норскаго вопроса я нахожу уместнымъ сдѣлать еще одно небольшое замѣчаніе. Гипотеза китайцевъ, что воды Тарима уходятъ подъ землю съ тѣмъ, чтобы выступить вновь на земную поверхность въ мѣстности Олонъ-таа, конечно, парадоксальна, но она доказываетъ крайнюю наблюдательность и пылкость тѣхъ изъ нихъ, которые впервые обследовали Лобъ-норъ. Именно, ихъ поразило несоотвѣстствіе между притокомъ воды въ озеро и его сравнительно небольшими размѣрами. Ясное дѣло, что вода изъ озера куда-то уходила и куда же, если не въ землю? «A l'est les fleuves coulent vers la mer salée (Lop), qui se perd sous terre», читаемъ мы у китайскаго историка Сыма Цяня, жившаго за столѣтіе до нашей эры. (Перев. Brosset jun. въ «Nouveau Journal Asiatique», 1828, II, стр. 422). Въ Средней Азій многочисленны случаи, когда воды рѣкъ скрываются подъ почву для того, чтобы ниже вновь выступить на дневную поверхность въ видѣ ключей. Что же удивительнаго, что китайцы, которые свой мифическій Куанъ-лунъ размѣщаютъ на западѣ, перемѣстивъ туда же и истоки своей главнѣйшей рѣки? Не служить ли, однако, это соображеніе объ основаніяхъ, послужившихъ къ созданію китайской гипотезы о верховьяхъ Желтой рѣки, доказательствомъ, что и во времена Ханей Лобъ-норъ, по размѣрамъ своимъ, мало чѣмъ отличался отъ нынѣшняго озера того-же имени?

Что нынѣшнее озеро Кара-кошунъ-куль, т. е. Лобъ-норъ Пржевальскаго, есть въ то же время и Лобъ-норъ китайскихъ географовъ, это ясно видно на такъ называемой Рематовской картѣ, составляющей вѣроятную копію китайской карты; на этой картѣ Булузинъ (Bulun-sin) показанъ впадающимъ въ оз. Лобъ (Lör). Я не берусь сказать, было ли это возможно въ дѣйствительности, но если только когда либо связь между р. Булузиномъ и бассейномъ Тарима существовала, то рѣка эта могла вливать свои воды только въ Кара-кошунъ-куль. Справедливости ради должно, однако, отмѣтить нижеслѣдующія свѣдѣнія о Лобъ-норѣ, приводимыя Палладіемъ Капаровымъ въ его замѣткѣ «О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ» (въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1850, IV, стр. 251), которыя подтверждаютъ гипотезу Рихтгофена—Свенъ-Гедина: «Озеро это лежитъ среди песчаныхъ равнинъ; южный берегъ его низокъ и покрытъ кустами деревьевъ; любопытные изъ китайскихъ путешественниковъ, подлиннившись на нихъ, усматривали на югъ бесчисленное множество небольшихъ озеръ, въ дѣлѣ или три версты въ окружности». Съ одной стороны деревья на берегу доказываютъ, что озеро было прѣснымъ, но съ другой, что это озеро не могло быть Лобъ-норомъ Пржевальскаго: берега послѣдняго безлѣсны.

Къ сожалѣнію, Палладій не говоритъ, изъ какихъ дорожниковъ заимствовалъ онъ эти драгоценныя свѣдѣнія.

Слѣдуя мнѣнію по лобънорскому вопросу см. въ обстоятельной замѣткѣ Коллова — «Лобъ-норъ» (въ «Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.» XXXIV).

Лобъ-норъ носилъ у китайцевъ еще и нижеслѣдующія названія: Янъ-цзо (Соленое озеро), Ю-цзо и Фу-танъ-хай (Иакинфъ. «Опис. Чжунгаріи и Вост. Туркестана», стр. XXIX).

¹⁾ У Иакинфа сказано—клены; но безъ сомнѣнія это ошибка («Собр. свѣд. о изр. Средн. Азій», III, стр. 39).

блюдовъ; хлѣбъ получаютъ изъ Цзюймо и другихъ владѣній; резиденція ¹⁾, имѣющая одну ли въ окружности (т. е. около 250 саж.), находится въ 720 ли на востокъ отъ Цзюймо ²⁾; на югѣ граничитъ съ владѣніемъ Жоцянь (Цайдамъ), на сѣверо-западѣ съ Шаньго, на западѣ съ Цзюймо; на сѣверѣ лежитъ дорога черезъ песчанья гряды, на востокъ черезъ сыпучіе пески ³⁾.

Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что владѣніе Шаньшанъ занимало всю долину между Алтынъ-тагомъ и Бэй-шаньскимъ нагорьемъ до ур. Ачикъ-кудукъ ⁴⁾, гдѣ долина эта суживается до десяти верстъ ⁵⁾ и преграждается песчаными горами Кумъ-тага ⁶⁾.

Козловъ, прошедшій въ январѣ 1894 г. отъ Лобъ-нора прямой дорогой въ Са-чжоу, въ такихъ краскахъ рисуетъ Лобнорскую впадину, замыкающуюся на востокѣ въ уроч. Ачикъ-кудукъ, что у меня не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, не смотря на позднѣйшую дурную славу, мѣстность эта до начала нашей эры была вполне пригодной для жизни кочевниковъ. Къ тому же нельзя упускать изъ вида важнаго указанія, которое даютъ намъ китайскія лѣтописи: «Впослѣдствіи (т. е. около половины V вѣка по Р. Хр.), говорится въ нихъ ⁷⁾, шаньшаньскій владѣтель пришелъ въ страхъ и со своимъ народомъ бѣжалъ въ Цзюймо, наследникъ же передался Аньчжу (т. е. бѣжалъ въ Ша-чжоу). Послѣ сего шаньшаньцы (еще остававшіеся?) опустошили свою страну, чтобы затруднить сообщеніе». Что значитъ въ данномъ случаѣ это выра-

¹⁾ У Дегина («Histoire général des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares Occidentaux, etc.» 1, 2, стр. XI) приведено названіе ся-Гань-ни-ченъ. У Иакинфа—Гинин или Юни.

²⁾ Теоретически китайская ли равняется 267 саж. 6 фут. (Иакинфъ. «Статистич. описаніе Китайской имперіи», стр. 126). Въ древности можетъ быть она и представляла эту величину; нинѣ же ли должна приниматься сажень въ 200, не болѣе. Китайцы считаютъ, что нѣсколько ровнымъ ходомъ проходить въ 1 часъ 10 ли; это и будетъ соответствовать 200 саж.

³⁾ Китаецъ Чжанъ-цзинъ въ доносѣ своемъ говоритъ: «Лэулянъ и Гуши имѣли свои города на берегу Соленаго озера (Лобъ-нора)». Вѣроятно, здѣсь крестъ канъ или ошиба. Что однако Гуши (раздѣлившееся вскорѣ на нѣсколько владѣній) простиралось некогда до Куружъ-тага, это, между прочимъ, видно изъ слѣдующихъ словъ китайской лѣтописи: «Дорога въ Западныя владѣнія пролегаетъ черезъ Лэулянъ и Гуши», изъ чего какъ бы слѣдуетъ, что на сѣверѣ Лэулянъ граничилъ съ Гуши. Или въ то время Шаньго, какъ самостоятельное владѣніе, не существовало?

⁴⁾ Ур. Ачикъ-кудукъ находится въ 400 верстахъ къ востоку отъ устья Тарима, что вполне соответствуетъ разстоянію въ китайскихъ ли между Цзюймо и резиденціей шаньшаньскаго владѣтеля, городка Юни или Гинини.

⁵⁾ Это объ этомъ мѣстѣ Дегинъ пишетъ: «A 300 li de ce lac (Lop) est un détroit entre les montagnes que l'on appelait anciennement Yo-muen-kuan» (ib., стр. XII).

⁶⁾ Впрочемъ нѣсколько позже (около 90 г. до Р. Хр.) Шаньшаньское владѣніе распространилось еще далѣе на востокъ и, занявъ всю долину, стало на востокѣ граничить съ областью Душ-хуанъ. (Иакинфъ. «Собр. свѣд. о народахъ Средн. Азіи», III, стр. 41).

⁷⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 143.

женіе: опустошили страну? Мнѣ кажется, оно можетъ означать только одно: засыпали колодцы, потому что въ этой долинѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, вода составляетъ все.

Изъ вышеизложеннаго нельзя не усмотрѣть, что въ предѣлахъ Бэй-шаня, въ эпоху утвержденія китайцевъ въ Хэси, существовало одно только владѣніе—Шаньго, часто объединявшееся съ Юйли ¹⁾, впослѣдствіи же вошедшее въ составъ Чешискаго княжества.

Первыя сношенія китайцевъ съ западными владѣніями были дипломатическія. Китайскіе послы достигали Семирѣчья, Ферганы, Бухары и Самарканда, всюду ощупывая почву и стараясь склонить мѣстныхъ правителей къ союзу противъ хунновъ. Этому имъ не удалось, однако, достигнуть: юэцжи отказались отъ чести сражаться за китайскіе интересы, усуни же колебались. Зато эти посольства успѣли въ другомъ отношеніи: разсказами о богатствахъ запада и о легкой возможности овладѣть ими они разожгли завоевательныя инстинкты императора Вуди.

Уже въ 108 г. до Р. Хр. состоялась первая экспедиція въ Западный край; а затѣмъ, въ промежутокъ времени съ 104 по 100 г., полководецъ Ли-гуанъ-ли совершилъ свои два знаменитые похода на Даванъ (Фергану), покоривъ по пути всѣ малыя и большія владѣнія Восточнаго Туркестана.

Завоевавъ Восточный Туркестанъ, китайцы, въ обезпеченіе сообщенія съ Западнымъ краемъ, вытянули рядъ сторожевыхъ башенъ до Лобъ-нора ²⁾ и къ сѣверу отъ Су-чжоу построили крѣпости Пой-янь и Хю-чжюй ³⁾. Это представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что къ этому времени хунны, уже успѣвшіе оправиться отъ поражений, снова появились въ Бэй-шанѣ и мало по малу заняли долины р. Эцзинъ-гола и низовой р. Шулэй-хэ ⁴⁾. Въ 102 г. они отважились даже произвести нападеніе на Хэси и ограбить окрестности Гань-чжоу и Су-чжоу, а въ 101 г. выслать отрядъ противъ возвращавшагося изъ похода на Даванъ Ли-гуанъ-ли; но на этотъ разъ они были разбиты. Зато въ 99 г. походъ того же Ли-гуанъ-ли противъ хунновъ на сѣверѣ, поперекъ Бэй-шаня, до Небесныхъ горъ, окончился для него неудачно: онъ былъ окру-

¹⁾ Это видно изъ того обстоятельства, что китайскіе лѣтописцы нѣредко смѣшивали Юйли и Шаньго. Такъ у Иакинфа (ib., IV, стр. 76) читаемъ: «При династии Хань и Цао-Вэй здѣсь было княжество Юйли, иначе Шаньго».

²⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 35.

³⁾ ib., стр. 26.

⁴⁾ «Собраніе свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 46.

женъ превосходными силами непріятеля и едва спасся бѣгствомъ, потерявъ до 7 тысячъ человѣкъ одними убитыми ¹⁾. Еще печальнѣе окончился для китайцевъ походъ 90 года ²⁾. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ дѣлъ, Ли-гуанъ-ли, узнавъ, что все семейство его, обвиненное въ колдовствѣ, предано казни, «собралъ свои войска и покорился хуннамъ» ³⁾. Три же года спустя скончался и предпримчивый императоръ Ву-ди.

Хунны не сумѣли воспользоваться выгодами своего положенія. Не предпринимая ничего рѣшительнаго, они ограничивались только небольшими, къ тому же далеко не всегда сопровождавшимися успѣхомъ, грабительскими набѣгами на китайскія области. Впрочемъ, уже въ это время у нихъ возникли несогласія съ ухуанцами и усунями.

Въ 72 г. усунь, въ союзѣ съ китайцами, съ двухъ сторонъ напали на хунновъ. Китайцы выставили огромное войско, которое

¹⁾ На западѣ военныя операціи китайцевъ также не сопровождались успѣхомъ; такъ, попытка китайцевъ при помощи лау-лианскаго ополченія и передавшихся хунновъ овладѣть Чешю оказалась неудачной («Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 89); они поправляли здѣсь свои дѣла только въ 88 г., захвативъ въ плѣнъ чешискаго князя (ib.). Въ 1 части того же сочиненія событіе это отнесено къ 90 г.

Къ этому времени относится слѣдующая, безъ сомнѣнія, самимъ Ли-линомъ, внукомъ Ли-гуанъ-ли, надпись на скалѣ ущелья Ванъ-сянъ-линь. Вотъ, что по сему поводу мы читаемъ въ китайской лѣтописи: «Гора Ма-цзунъ-шанъ (высочайшій кряжъ Бэй-шаня) лежитъ на юго-востоку отъ Хами. По соседству находится ущелье Ванъ-сянъ-линь. На его вершинѣ находится впадина скалы съ надписью, относящейся къ Ли-лину. (Bretschneider. «Medieval researches from eastern Asiatic Sources», II, стр. 178). Судьба Ли-лина крайне интересна. Это былъ неустранный и славный воинъ. Пылая желаніемъ отомстить хуннамъ за пораженіе, нанесенное ими его дѣду, онъ испросилъ у императора разрѣшеніе идти противъ нихъ въ глубь пустыни. Въ своемъ распоряженіи онъ имѣлъ всего лишь пятитысячный корпусъ. Тѣмъ не менѣе, онъ прошелъ съ ними тысячу ли по Бэй-шаню. Будучи окруженъ здѣсь хуннами, онъ нанесъ имъ два пораженія, послѣ чего рѣшилъ отступить. Во время отступленія онъ бился не переставая, пока не израсходовалъ всѣхъ своихъ стрѣлъ. Между тѣмъ обѣщанная помощь, на которую онъ такъ рассчитывалъ, не являлась. Положеніе его стало критическимъ. Нашелся измѣнникъ, который ускорилъ развязку. Онъ увѣрилъ хунновъ, что Ли-Линъ отступаетъ изъ желанія заманить ихъ въ засаду. Увѣрившись въ этомъ, хунны отрѣзали китайцамъ отступленіе. Тогда-то, видя неизбежную гибель всего отряда, Ли-Линъ рѣшилъ сдаться. Узнавъ объ этомъ, императоръ приказалъ истребить весь его родъ. Этотъ жестокий ударъ принудилъ Ли-Лина остаться навсегда у хунновъ, которые никогда не переставали чтить въ немъ героя. Шанью женилъ его на своей дочери, возвелъ его въ княжеское достоинство и далъ въ удѣлъ земли хягасовъ, гдѣ потомки его царствовали почти до времени Чингисъ-хана. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве и заключается главный историческій интересъ этой личности (См. Mougiac de Mailla «Histoire générale de la Chine», III, стр. 79; Иакимфъ. «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 50—51).

²⁾ Этому походу предшествовала еще одна экспедиція Ли-гуанъ-ли противъ хунновъ, окончившаяся также пораженіемъ китайскихъ войскъ (въ 97 г.; de Mailla, op. cit., стр. 81).

³⁾ Походъ этотъ вызванъ новымъ вторженіемъ хунновъ въ Хэси. Преслѣдуя ихъ, Ли-гуанъ-ли доходилъ до Тянь-шаня и Алтайскихъ горъ. Хуннами Ли-гуанъ-ли былъ принятъ съ почтостью, но затѣмъ принесенъ ими въ жертву духамъ усоншихъ шаньюей — весьма цѣнное указаніе, свидѣтельствующее, что у хунновъ существовалъ обычай приносить человѣческія жертвы. (Иакимфъ, ib., I, стр. 53—55; de Mailla, op. cit., стр. 90). Этотъ обычай сохранился и у тукизцевъ. (См. «Византійскіе историки — Девсипидъ, Эвменій и др.», изд. съ греч. С. Достунисъ, Спб., 1860, стр. 422).

нѣсколькими путями выступило изъ Хэси черезъ пустыню. Походъ этотъ кончился, однако, ничѣмъ. Хунны успѣли заблаговременно отступить, и китайцамъ пришлось удовольствоваться лишь ничтожными стычками съ непріятелемъ и самой скромной добычей. Къ тому же китайская колонна, выступившая изъ Су-чжоу и долженствовавшая соединиться въ Баркульской долинѣ съ вспомогательнымъ корпусомъ усуней, не могла прибыть сюда къ условному времени, что и вынудило послѣднихъ, въ свою очередь, къ отступленію. Столь неудачныя операціи союзниковъ ободрили хунновъ, которые, по удаленіи китайскихъ войскъ, не замедлили перейти въ наступленіе. Ихъ зимній походъ противъ усуней закончился однако для нихъ неудачно. На обратномъ пути въ Джунгарію выпалъ снѣгъ, глубиной въ 10 футовъ, сопровождавшійся столь необычайной стужей, что отъ нея и безкормицы погибли всѣ экспедиціонныя лошади, весь скотъ и почти девять десятыхъ людей ¹⁾. Несчастьемъ этимъ не преминули воспользоваться враги хунновъ — динлины, которые вмѣстѣ съ ухуанцами и усунями съ трехъ сторонъ вторглись въ ихъ земли ²⁾. Такимъ образомъ 72 г. до Р. Хр. оказался роковымъ для хунновъ: отъ холода, голода и меча непріятеля погибла почти половина всего населенія и такое множество лошадей и скота, что съ этихъ поръ «хунны надолго пришли въ крайнее безсиліе» ³⁾. Четыре же года спустя голодъ повторился и «отъ него вновь погибло $\frac{1}{10}$ скота и народа».

Но не смотря на это новое бѣдствіе, хунны рѣшились всѣми силами воспротивиться водворенію китайцевъ въ Чешю. «По тучности чешискихъ земель, говорить китайская лѣтопись, и по близости ихъ къ хуннамъ, шанью и вельможи рѣшились не допускать китайцевъ овладѣть ими» ⁴⁾.

Дѣйствительно, въ то время Чешя имѣла важное стратегическое значеніе. Это былъ крайній къ востоку культурный центръ Притяньшанья, способный прокормить много народа. Черезъ него проходили удобные пути въ Джунгарію (сѣверное Чешю), въ Китай и Западные владѣнія. Такъ что, укрѣпясь здѣсь китайцы, это не только вынудило бы хунновъ покинуть степи юго-восточной

¹⁾ Одновременно огромные снѣга выпали и на всѣхъ пространствахъ западной Гоби.

²⁾ Динлины, рыжеволосое, румяное и голубоглазое племя, жили къ сѣверу отъ хунновъ, ухуанцевъ къ востоку, усуней (также блѣднѣе раса) къ западу, гдѣ они занимали своими кочевьями Илійскія степи и бассейны Памиръ-кули и верховій Сыръ-дарьи (Нарина). Аристовъ (op. cit., стр. 122) считаетъ ихъ предками кара-киргизовъ.

³⁾ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 64.

⁴⁾ Ib., III, стр. 91. St. Julien. «Origines» (въ «Journal Asiatique», 1847, Mars, стр. 192).